

Иванов Иван Иванович

Рыцарь слова и жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Иванович И.**
Рыцарь слова и жизни / Иванов Иван Иванович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 176 с.

ISBN 978-5-519-86585-2

ISBN 978-5-519-86585-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

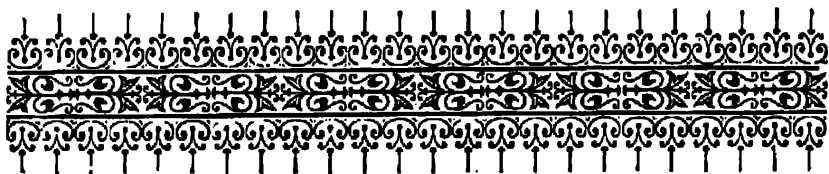
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Донъ Мигуэль Сервантесъ де Сааведра.

Съ рѣдной старинной гравюры, воспроизведенной съ оригинала,
приписываемаго самому Сервантесу.

„Смѣю сказать,—если бы я какимъ-либо путемъ могъ предугадать, что мои сочиненія могутъ внушить читателямъ какое-либо преступное желаніе или дурную мысль, я скорѣе отрубилъ бы себѣ руку, написавшую ихъ, чѣмъ выпустилъ бы ихъ въ свѣтъ“.

Сервантесъ.

I.

Всякій разъ, когда мы читаемъ какую-либо книгу, и книга кажется намъ занимательной,—у насъ непременно возникаетъ желаніе узнать возможно подробнѣе, кто такой авторъ, какова была его жизнь, вообще, что это былъ за человѣкъ?

Это желаніе становится особенно сильнымъ, когда мы встрѣчаемъ въ книгѣ много задушевнаго и искренняго, когда авторъ, видимо, желалъ подѣлиться съ читателемъ не только своими думами, но и своими личными радостями и огорченіями. Тогда намъ становится дорогъ не только писатель, но и человѣкъ, и его собственная жизнь является необходимымъ дополненіемъ къ его сочиненіямъ.

И вотъ предъ нами одинъ изъ такихъ случаевъ, и едва ли не самый замѣчательный.

Дѣло идетъ о книгѣ въ высшей степени извѣстной Трудно найти человѣка, любящаго чтеніе и ни разу на своемъ вѣку не прочитавшаго исторіи Ламанческаго рыцаря. Даже

больше можно сказать: кто разъ прочиталъ эту исторію, тотъ рано или поздно обязательно пожелаетъ возобновить ее въ памяти. Ужъ очень рѣдкая и удивительная книга! И написана чрезвычайно увлекательно, и при этомъ полна глубокой мудрости, и самыя умныя мысли высказываются здѣсь необыкновенно просто,—авторъ будто шутить и забавляетъ читателя,—а на самомъ дѣлѣ онъ все время не забываетъ учить его, сообщать ему ту или другую истину насчетъ его самого—читателя, насчетъ человѣческой жизни вообще. И читатель невольно чувствуетъ, что все это говорится не ради сочинительства, а все это пережито и выстрадано писателемъ, и часто трудно отличить героя отъ самого автора.

Въ нашемъ случаѣ это можетъ показаться страннымъ. Приключенія Донъ-Кихота весьма часто слишкомъ смѣшны, даже безумны; самъ рыцарь безпрестанно попадаетъ въ самыя забавныя и жалкія положенія; здравомыслящіе люди считаютъ его сумасшедшимъ, и самъ авторъ такого же мнѣнія о немъ... Какъ же послѣ этого допустить, чтобы подобный герой могъ хотя бы отчасти изображать самого автора и говорить отъ его лица?

Оказывается,—не только допустимо, но именно такова была цѣль самого писателя.

И въ этомъ заключается глубокій смыслъ судьбы и личности Донъ-Кихота, и потому о безумномъ рыцарѣ писало множество умнѣйшихъ и талантливейшихъ людей: всѣ желали разгадать мудрость, скрытую въ певѣроятныхъ происшествіяхъ, въ странныхъ рѣчахъ,—и въ рѣчахъ не только рыцаря, но и его оруженосца,—неуклюжаго, прожорливаго, болтливаго Санчо Пансы.

Этотъ герой не страдаетъ сумасшествіемъ, но зато его безпрестанно обманываютъ глупцомъ,—онъ и самъ не заботится объ умѣ, а исключительно о томъ, чтобы сытѣе поѣсть и крѣпче поспать. Чего, кажется, ждать отъ подобнаго мудреца? Онъ и чувствуетъ-то себя особенно по душѣ въ об-

ществѣ своего осла, самого дорогого для него существа на свѣтѣ.

И между тѣмъ—Санчо вовсе не шутъ и не глупецъ.

Давно сказано: „устами младенцевъ говоритъ истина“,—нѣчто подобное и здѣсь. Грубый, смѣшной, испанскій мужикъ безпрестанно оказывается умнѣе умниковъ и высказываетъ такого рода,—повидимому, совершенно простыя мысли, что приводитъ въ изумленіе людей книжныхъ и благородныхъ.

Какъ это возможно? Можетъ быть, авторъ по своей прихоти заставляеть глупца превращаться въ умника, наряжаетъ его въ неподходящій нарядъ?

Вовсе нѣтъ. Санчо уменъ потому что въ будничной, хотя бы и мужицкой, жизни много умнаго и честнаго,—надо только умѣть почувствовать мудрость и честность жизни. А Санчо нечего и стараться чувствовать это. Онъ изо дня въ день работаетъ, добивается того, чтобы честнымъ трудомъ прокормить себя и семью, принужденъ полагаться только на свои силы и на свой здравый смыслъ. А такой трудъ—самая настоящая наука,—и вотъ ее-то Санчо пускаетъ въ ходъ всякій разъ, когда ему приходится судить о жизни и людяхъ.

И тогда мы не удивляемся, если знатному лицу, полагающему все свое достоинство въ своей знатности, приходится замолчать предъ искреннимъ и сильнымъ труженикомъ, если всевозможныя прихоти и забавы праздныхъ скучающихъ господъ встрѣчаютъ добродушное, но уничтожающее слово челоуѣка, привыкшаго жизанъ считать дѣломъ важнымъ и правственнымъ долгомъ.

Когда другіе изумляются мѣткимъ сужденіямъ Санчо,—онъ совершенно основательно отвѣчаетъ:

— Кто хорошо живетъ, тотъ хорошо и проповѣдуетъ, — другихъ проповѣдей я не знаю.

И только,—но это очень много,—потому что всѣ такія проповѣди внушены нашему проповѣднику личнымъ опытомъ,

личными, часто весьма нелегкими столкновениями съ людьми и обстоятельствами. И великій писатель не затрудняется устами Санчо высказывать истины, столь же поучительныя и для насъ, какъ и для собесѣдниковъ Санчо,—истины безсмертныя.

Теперь легко понять, какая тѣсная духовная связь существуетъ между героями автора и имъ самимъ. Авторъ и не скрывалъ этого. Объ исторіи Донъ-Кихота онъ выражался такъ: „Книга эта есть важное дѣло моей жизни“, и прибавлялъ, что странствующій неудачливый рыцарь составляетъ съ нимъ одно тѣло и одну душу.

Да, авторъ—тоже Донъ-Кихоть, тоже рыцарь, много,—даже слишкомъ много боровшійся въ теченіе своей жизни, пережившій приключенія, еще болѣе жестокия, чѣмъ его герой. Авторъ не сражался съ вѣтряными мельницами въ буквальномъ смыслѣ, не принималъ стада животныхъ за грозную армію,—но на взглядъ другихъ и его сраженія выходили и безумными, и смѣшными. Безуміе заключалось въ томъ, что благородному человѣку хотѣлось бы облагородить и жизнь, и людей, видѣть и въ дѣйствительности правду, справедливость, доброту, высокія цѣли. Возможно ли это?

Разсудительные люди утверждаютъ, что все это — неосновательныя и несбыточныя мечты, люди вѣчно останутся себялюбцами, и стремиться передѣлать ихъ—значить, сражаться съ вѣтряными мельницами, или грубую и уродливую крестьянку считать прекрасной, благородной дамой.

Какъ видите,—„донъ-кихотство“ возможно во всякое время и среди безусловно умныхъ и здоровыхъ людей. Весь вопросъ только, что считать за вѣтряныя мельницы? Если благоразуміе заключается въ томъ, чтобы жить изо дня въ день, какъ живутъ всѣ тихіе и сѣрые люди, вообще ни мыслями, ни дѣлами не отличаться отъ другихъ,—тогда битвой съ вѣтряными мельницами можно обозвать даже невольное возмущеніе противъ человѣческой мелочности, малодушія и ра-

болѣпія предъ всякой силой. И Донъ-Кихотомъ окажется просто честный и независимый человѣкъ.

Искусство Сервантеса именно въ томъ, чтобы въ безумствахъ искателя приключеній показать глубокое человѣческое страданіе за поруганную правду, чтобы подъ видомъ смѣшныхъ и грустныхъ подвиговъ рыцаря-мечтателя рассказать вѣчную и вполне дѣйствительную исторію всякаго, кто рѣшается идти противъ людского зла, полагаясь только на свое измученное сердце да на торжество справедливости.

И такова именно исторія самого автора.

Онъ также былъ рыцаремъ и также сражался всю жизнь и также умеръ, не одолѣвъ своихъ враговъ. Но враги Сервантеса—также и наши враги, хотя приключенія Сервантеса и происходили болѣе трехсотъ лѣтъ назадъ, и его „донъ-кихотство“ навсегда останется честью и славой человѣчества, пока оно не перестанетъ отличать добро отъ зла.

Мы расскажем сначала исторію дѣйствительнаго Донъ-Кихота. Она не менѣе богата любопытными приключеніями, чѣмъ жизнь Ламантскаго рыцаря,—съ одной лишь разницей: здѣсь всѣ приключенія — подлинныя, здѣсь всѣ разбитыя надежды — истинныя страданія человѣка, всѣ несбывшіяся мечты—самое горькое и правдивое безуміе.

Исторія будетъ часто печальна и обидна. Самъ герой передъ смертью назоветъ ее: „безконечнымъ неблагоразуміемъ“ и съ грустью заявитъ: „я—уношу на плечахъ камень съ надписью о моихъ разрушенныхъ надеждахъ“.

Но въ насъ послѣ исторіи останется не одна грусть. Мы увидимъ,—при какихъ обстоятельствахъ какой благородный человѣкъ могъ жить и неутомимо дѣйствовать! Во всемъ этомъ была вѣдь только человѣческая сила, человѣческое благородство. Нашъ Донъ-Кихотъ—не сказка, и его враги—не вѣтряныя мельницы и не бараны, а могучіе и славные люди его времени и, кромѣ того, всѣ, кто подчинялся этимъ людямъ и прославлялъ ихъ. И все-таки явился

борецъ и сдѣлалъ вызовъ! И не только сдѣлалъ, но и не переставалъ повторять его—послѣ всѣхъ неудачъ и насмѣшекъ. И при этомъ сумѣлъ остаться добродушнымъ, чelовѣчнымъ и не потерять вѣры въ чelовѣка. Развѣ здѣсь можетъ быть мѣсто одной только грусти и печали?

Когда какая-нибудь страна узнаетъ о смерти своего доблестнаго гражданина на полѣ битвы,—она испытываетъ глубокое чувство сожалѣнія, но въ то же время не можетъ не гордиться и не радоваться, что павшій—ея гражданинъ,—сынъ ея народа.

Такъ и смерть Сервантеса.

Его надежды не сбылись, его разумъ до конца казался безуміемъ его врагамъ и зрителямъ борьбы,—и тѣмъ выше его мужество, тѣмъ свѣтлѣе его кончина для его страны. А эта—его страна—всякій уголокъ земного шара, гдѣ только бьется чelовѣческое сердце за правду и свѣтъ. Сервантесъ для всѣхъ такихъ людей—родной и соотечественникъ, и его исторія, совершившаяся вѣка тому назадъ, никогда не утратитъ ни красоты, ни занимательности.

II.

Въ настоящее время Испанія — третъестепенное государство, и у нея нѣтъ никакой надежды подняться выше; когда жилъ Сервантесъ, Испанія считалась самой могущественной державой въ мірѣ. Король Испаніи говорилъ: „въ моихъ владѣніяхъ не заходитъ солнце“, такъ они были обширны въ обоихъ полушаріяхъ! Испанцы хвалились: „стоитъ пошевелиться Испаніи, и задрожитъ земля“.

И другіе народы соглашались съ этимъ,—по крайней мѣрѣ признавали надъ собой превосходство Испаніи. Всюду въ Европѣ высшее общество изучало испанскій языкъ, читало испанскихъ писателей, носило испанское платье, вообще, подражало испанцамъ, какъ самому изящному и талантливому

народу. И подражали не только свѣтскіе щеголи, но и писатели. Они переводили, передѣлывали испанскія драмы и комедіи, ихъ высшимъ честолюбіемъ было писать и думать, какъ испанцы, и такъ же нравиться публикѣ.

А что касается богатства.—оно казалось неисчерпаемымъ. Новый Свѣтъ посылалъ Испаніи несмѣтныя драгоцѣнности, торговля процвѣтала, испанскіе города считались столицами купцовъ со всего міра, испанскіе корабли господствовали надъ морями. Можно было ожидать,—не будетъ и предѣловъ этому блеску и силѣ. А между тѣмъ,—едва прошло столѣтіе, — Испанія стала дряхлѣть, опускаться все ниже,—пока вся ея слава не разсѣялась окончательно, и испанцамъ въ утѣшеніе осталось вспоминать только далекое прошлое...

Какъ это могло случиться?

Уже Сервантесъ могъ предвидѣть будущее. Оно надвигалось неумолимо, будто проклятіе, и тѣни летали надъ страшной уже въ то время, когда солнце не заходило во владѣніяхъ испанскаго короля, и его подданные считали себя первымъ народомъ въ мірѣ.

Тѣни скоплялись вѣками и готовили страшную грозу съ непоправимыми бѣдствіями. Испаніи суждено было найти свою гибель въ своей доблести, затмившей рассудокъ у цѣлаго народа и извратившей его человѣческое чувство.

Испанія въ теченіе семи столѣтій жила на военномъ положеніи и воевала у себя дома, съ врагами своей вѣры и независимости.

Враги эти—мавры, магометане. Они пришли изъ Африки, основали на полуостровѣ свои государства, — и съ этихъ поръ началась безпощадная борьба между крестомъ и полумѣсяцемъ. Ненависть переходила отъ отцовъ къ дѣтямъ, христіане привыкли не считать мавровъ людьми, видѣли въ нихъ враговъ Христа и христіанскаго міра. Вѣчныя кровавыя столкновенія питали взаимную злобу. Полумѣсяцъ и крестъ не могли ужиться рядомъ,—чьи-либо поклонники

должны были исчезнуть, погибнуть или покинуть страну. Такъ рѣшительно стоялъ вопросъ, и другого отвѣта не представлялъ себѣ ни одинъ истинный вѣрующій католикъ,—и людей терпимыхъ можно было найти скорѣе среди магометанъ, чѣмъ среди католиковъ.

Магометане занимались науками; не мало замѣчательныхъ ученыхъ и писателей исповѣдывали магометанство или еврейскую вѣру. Католики, напротивъ, отличались и бѣдностью и невѣжествомъ. Единственное глубокое чувство одушевляло ихъ—неукротимая ненависть противъ иновѣрцевъ. Для испанца стало личной честью—истреблять магометанъ и евреевъ. Кто дѣлалъ это, тотъ приобреталъ славу, благородство, предъ тѣмъ преклонялось потомство. И такъ шли столѣтія, пока, наконецъ, католики не побѣдили. Магометанскія государства исчезли,—но магометане и евреи остались.

Тогда начинается страшная, свирѣпая травля. О борьбѣ иѣтъ и рѣчи: вся сила на одной сторонѣ,—и католики рѣшаютъ уничтожить всѣхъ до послѣдняго человѣка, кто не признаетъ католической вѣры. Открываются тюрьмы, зажигаютъ костры,—и всюду жертвы—магометане и евреи. Надъ страшной господствуетъ инквизиція, — безчеловѣчное судилище, жадное до крови и имущества иновѣрцевъ. Оно истребляетъ сначала невѣрныхъ, потомъ еретиковъ, т.-е. протестантовъ. Оно устраиваетъ торжественныя сожженія на городскихъ площадяхъ, предъ королемъ и народомъ. Оно обѣщаетъ отпущеніе грѣховъ на сорокъ дней тѣмъ, кто будетъ смотрѣть на казни. И сама казнь совершается медленно, сопровождается рѣчами инквизиторовъ въ честь инквизиціи, клятвой короля—вѣчно преслѣдовать и жечь ея враговъ, и весь народъ долженъ подтвердить торжественное обѣщаніе своего государя и проклясть несчастныхъ, одѣтыхъ въ позорную одежду—въ желтый мѣшокъ съ изображеніемъ адскаго пламени и дьяволовъ, въ высокій бумажный колпакъ, съ веревкой на шеѣ или съ желѣзнымъ ошейникомъ. И нельзя боль-